Александр Кеслер

ИГРЫ СУДЬБЫ

МИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Александр Владимирович Кеслер
Игры судьбы (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245568
ISBN 978-5-4474-1112-1

Аннотация

Чудеса бывают разные: добрые и злые, забавные и не очень. Но то, что они существуют, – бесспорно. Правда, в потоке дел и череде будней мы порой не замечаем их и проходим мимо. Но если присмотреться внимательно, то можно заметить, что чудеса в мире существуют. Они окружают нас и подчас играют важную роль в жизни.

Именно об этом рассказы, представленные в сборнике.

Содержание

Часть 1. Мистическая реальность 6
Запретный плод 6
Феномен индиго 15
Секрет удачи 28
Письма к незнакомке 48
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Игры судьбы мистическая реальность Александр Кеслер

© Александр Кеслер, 2015
© Светлана Максимовская, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Мы живем в удивительном мире – полном загадочных и необъяснимых явлений, которым люди придумали название – чудеса. Чудеса бывают разные: добрые и злые, забавные и не очень. Но то, что они существуют – бесспорно. Правда, в потоке дел и череде будней мы порой не замечаем их и проходим мимо. Но если присмотреться внимательно, то можно заметить, что чудеса в мире существуют. Они окружают нас и подчас играют важную роль в жизни. Разумеется, кто-то скептически улыбнется в ответ на это и скажет, что чудес не бывает. Спорить с такими людьми бессмысленно.

Многие герои рассказов, представленных в этом сборнике, такие же скептики и считали точно так же, пока сами не столкнулись с мистической реальностью нашей жизни. Кто-то из них после этого попытался обосновать причину

происхождения чудес с научной точки зрения, а кто-то просто изменили свое отношение к жизни и приняли все случившееся таким, как есть – не вникая в природу происхождения чудес.

Несмотря на всю серьезность темы «мистические события в жизни людей», которой посвящена книга и в которой две третьи рассказов именно об этом, автор не смог удержаться от соблазна еще и пошутить на тему мистики, что тоже нашло свое отражение в третьей части сборника.

Выражаю свою благодарность талантливому человеку – певице, декламатору и художнику – Светлане Максимовской – дизайнеру обложки этой книги.

Приятного Вам путешествия по мистическим мирам, дорогие читатели!

С уважением, автор Александр К.

Часть 1. Мистическая реальность

Запретный плод

…Их трусишь с дерева и трусишь.
Холодный прошибает пот.
И жизнь пройдет пока раскусишь.
Как горек он – запретный плод.
Ф. Кривин

Окружающий мир перестал существовать для него в привычном понимании. В один миг он сузился, до размеров квартиры, куда-то далеко-далеко уплыла действительность. Долги, обязательства, проблемы – все это осталось за стенами этого нового мира.

Ощущение было такое, словно чья-то властная рука, щелкнув выключателем, отключила какую-то часть мозга – и вся прошлая жизнь погрузилась в вязкую темноту, будто и не было ее вовсе. Возникшая внутренняя пустота тут же стала заполняться одним-единственным образом, вытесняющим собой все остальное – ее образом, и страстным, почти животным желанием – обладать ею.

Где-то глубоко внутри – не сознания (которое было парализовано), а, скорее, души, приглушенный до шепота голосок бормотал о чем-то, переубеждал, останавливал, уговари-

вал не делать того, что теперь было так близко и представлялось еще более соблазнительным, чем раньше, и казалось уже просто неизбежным.

Но он сумел подавить в себе этот последний проблеск здравого смысла (или та же властная рука сделала это за него?)

Слишком долгим и томительным был путь к этому мигу, чтобы теперь пренебречь им, отказаться от того, чего жаждал, боясь признаться в этом самому себе, что подавлял в себе…

Ему показалось, что это именно он принял решение и сделал свой выбор. Он не подозревал, что все его поступки – это лишь движения марионетки в жутком танце в умелых руках кукловода.

Бывает же такое – находится рядом с тобой человек, работаете вы вместе, видитесь каждый день, разговариваете о чем-то, иногда с автобусной остановки вместе домой идете, благо по пути, но при этом каждый из вас живет своей жизнью. И друг друга вы в нее не приглашаете. Знаете вы, допустим, что у нее мужа нет, что одна ребенка растит (печальное, но нередкое, к сожалению, явление). Чисто по-человечески вызывает это сочувствие, но не более того.

И вдруг однажды, внезапно, вас как будто озаряет, и вы начинаете испытывать симпатию к этой женщине. Да не простую симпатию, а чем дальше, тем больше. А потом вы так же внезапно понимаете, что уже жить без нее не можете, что

каждую минуту видеть, слышать, боготворить ее хотите, стихи ей посвящать. А дальше еще хуже – ревность просыпается. И одна навязчивая мысль неотступно преследует вас, и без осуществления ее дальнейшая жизнь не имеет смысла. «Она должна быть моей и только моей, и ничьей больше», – думаете вы, засыпая и пробуждаясь.

Любовь, скажете вы. Ну, если и не скажете, то уж точно – подумаете. Вот и он решил, что его посетило это прекрасное чувство.

Утро не принесло с собой ни раскаяния, ни ощущения вины за совершенное. Напротив, где-то в глубине сознания возникло чувство собственной правоты, которое росло и крепло.

Вся прошлая жизнь казалась ошибкой, вспоминалось почему-то только плохое, вроде хорошего в ней и не было ничего, зато будущее представлялось в радужных тонах.

И было еще одно. Ему не хотелось никуда уходить от нее. Место это притягивало к себе и держало, как магнит.

Жизнь изменилась, казалось прекрасной и удивительной. И какая-то новая, неизвестная раньше ее сторона открывалась перед ним.

За окнами властвовала весна – пора надежд и ожиданий. Все было здорово – мечты сбывались, желания воплощались и становились явью, и казалось, что этой идиллии не будет конца.

Пришло лето – долгожданное и желанное. Жизнь про-

должалась и продолжала преподносить сюрпризы. Тогда он не придавал им какого-то особого значения, принимая все как данность.

Вспоминая, уже потом, намного позже, он много думал об этом, складывая разрозненные звенья фактов в одну логическую цепь.

Ребенок был отправлен к бабушке, она переехала жить к нему, он получил повышение по службе.

В первый раз заставил его задуматься случай со свалившимися, как снег на голову, деньгами.

Мистикой здесь, в общем-то, и не пахло, все выло более чем реалистично. Загадочным 6ыл сам случай. Подобного не происходило ни до, ни после. Пришедший не был похож ни на Булгаковского Коровьева, ни тем более на Воланда. Обыкновенный, с незапоминающимся лицом и заурядной внешностью снабженец коммерческой фирмы, коих множество рыщет в поисках того, что поручило достать начальство. Интересен был не он сам, а предложение, с которым он явился. Речь шла, разумеется, не о приобретении бессмертной души, а о вещах более прозаических, а именно о давно списанных неликвидах, которые снабженец желал купить за наличный расчет.

Криминал здесь отсутствовал, так почему же было не воспользоваться столь любезным предложением? Собственно говоря, речь шла не Бог весть о каких деньгах, но ползарплаты за не совсем легальную сделку были не лишними. Да и де-

лов-то было – распорядиться, чтобы людям позволили взять списанный металлолом. Обе стороны были обоюдно заинтересованы, и сделка состоялась.

Чувство это появилось неожиданно, и не уходило, а, напротив, росло в нем с каждым днем. Это была какая-то смутная тревога, затаившаяся где-то глубоко внутри. Он ловил себя на том, что стал поступать наперекор своему внутреннему «я», и это двойственное состояние его настораживало и пугало. Иногда ему казалось, что все, происходящее с ним, – это только сон, и стоит сделать усилие и прогнать его, как все закончится. Но, к сожалению, пробуждение не приходило. Тревога жила в нем и нарастала. Он чувствовал – происходит что-то не то, но никак не мог понять, что именно и когда это началось. Вроде все было как всегда – тот же город, те же дома и те же деревья, то же небо над головой и то же солнце. Мир жил теми же проблемами, что и раньше, и никому не было никакого дела до того, что чья-то жизнь как-то изменилась. Все каждодневные события на планете были реальными, но происходили где-то далеко и не с ним. А то, что творилось с ним, было необъяснимо, строилось на каких-то интуитивных ощущениях… Но это происходило здесь, сейчас и именно с ним.

В комнате пахло воском от горящей свечи. Он был потрясен. Он и не подозревал, что по одной фотографии можно столько узнать о человеке…

И даже после всего услышанного не верилось, что такое

возможно… Или просто не хотелось разрушать так старательно сплетенную паутину иллюзий, в которую он влип, как муха. Злости не было, но и прежние чувства угасли, остались только обида и вопросы. Зачем же так? Неужели заслужил? Вопросы, собственно говоря, были риторическими. И так все было ясно. Жизнь не сложилась, ребенок без отца растет, опять же подруги при мужьях. Но разве можно так? Или по-другому не получалось, раз решилась на такой шаг?

Вспомнились мелочи, на которые раньше не обращал внимания. Подаренный еще до той злополучной ночи на его день рождения красивый ремень – привязала к себе. Стали понятными и внезапная вспышка симпатии к ней, и ее переезд к нему, и не покидающая ни на минуту тревога.

И все равно не хотелось верить, что все это правда. Не укладывалась в рамки рационального мышления такая архаичная, почти сказочная методология. И если бы не с ним все это случилось, а рассказал кто-то, не поверил бы.

Оборванные недавней бурей провода свисали со столбов немым укором. Свечи они забыли купить, поэтому спать легли рано, как только стемнело.

На следующий день, после работы, она поехала к себе за какими-то вещами, а он направился домой. Ехать к ней совершенно не хотелось, потому что теперь – после всего, что он узнал – при приближении к ее дому, который когда-то так притягивал, он был готов бежать от этого места.

Он и верил, и не верил, что с ним играли, пользовались,

как вещью, предметом, исполняющим чью-то волю и желания. Ему было обидно и гадко.

Дело в том, что экстрасенс назвала ему такие детали, которых никак не могла знать. Может быть это и заставляло его верить в то, что и все остальное, сказанное ею, – правда? Но все равно стопроцентной уверенности у него не было. Ведь он не видел, как его избранница готовила настойки из сушеных пауков и прочую дрянь, которой его потом якобы и потчевала. А спрашивать ее об этом в лоб было бы по меньшей мере глупо.

Но поскольку семя сомнения было посеяно в душе, оно дало всходы. Он принялся собирать по всему дому ее вещи, борясь с сомнениями – правильно ли он поступает? Когда наконец все собранное было сложено, он оценивающе осмотрел вещи и подумал: «Надо же, сколько успела перевезти – переселялась основательно и навсегда…» Раскрыл ее дорожную сумку, стоявшую в углу, и увидел сиротливо лежащий на дне газетный сверток. «Интересно, что же это осталось нераспакованным?» – подумал он и развернул сверток.

Осмотрев его содержимое, он понял две вещи: во-первых, она лгала, когда говорила, что в доме нет свечей. В сумке их было не меньше дюжины. Во-вторых, он понял, что его подозрения совершенно справедливы, поскольку кроме свечей в свертке находились и другие вещи, указывающие на это более чем красноречиво. Это были и доказательства, и та последняя точка над «I», которых ему так недоставало.

Внутренний дискомфорт наконец-то исчез. И впервые за последний месяц на душе стало легко.

* * *

Прощание было коротким. Каждый думал, что знает больше другого, но говорить об этом вслух не хотел. Он задал ей только один вопрос:

– Ты в Бога веришь?

– Теперь начинаю верить, – тихо ответила она, полагая, что истинный смысл сказанного понятен лишь ей.

В этот момент она еще надеялась, что сумеет все изменить так, как ей нужно – исправить и вернуть все на свои места, недоумевая, где же была допущена ошибка?

Он вышел из комнаты, а она бросилась к сумке и принялась расшвыривать вещи, ища сверток, который так легкомысленно оставила там…

Давно известно, что человек подобен айсбергу. Окружающим видна лишь его надводная часть, а истинная суть надежно скрыта от глаз посторонних глубоко внутри – в душе. Подчас узнать, что там скрывается, просто невозможно. Но иногда все-таки удается заглянуть туда и краешком глаза увидеть какой-то скрытый уголок души. Зрелище не всегда бывает из самых приятных… Но самое главное – тот, кто заглянул таки и увидел, не ведает, какую, в конечном счете, придется заплатить за это цену.

Разрыв отношений не поставил точку в этой истории. Через два месяца его сбила машина. К счастью, он остался жив, отделавшись травмами.

Возможно, это была всего лишь случайность, не имеющая ничего общего с предыдущими событиями. Но уж слишком много было в этой истории таких случайностей…

Феномен индиго

Сергей не спеша шел по людным улицам, о чем-то задумавшись. Он не замечал ни потока спешащих по делам людей, ни снующих по дороге машин, ни того, что солнце крениться к линии горизонта.

Сергей упорно сопоставлял разрозненные факты, пытаясь выстроить их в какую-то логическую цепь. Но видимой, понятной и определенной связи не было. Однако Сергей интуитивно чувствовал, что такая связь существует – зыбкая, как нить паутины. Он снова и снова упорно перетасовывать известные ему факты в голове, стараясь их связать. Картина не складывалась, хоть ты тресни. И Сергей решил применить проверенный способ.

После третьей рюмки наступило долгожданное просветление.

Его вдруг осенило, и разрозненные пазлы сами собой сложились в целостную картинку. Сергей уже представлял, какая у него получиться убойная статья, но потом все обдумав, понял, что его радость была преждевременной. То, что он выяснил, его самого несколько ужасало. А как воспримут его статью другие? И самое главное – какова будет последующая реакция общественности? Нужно ли писать эту сенсационную статью?

Взвесив все хорошенько, он принял решение подождать

до поры до времени со своим открытием. Но отказать себе в удовольствии хорошо напиться не стал.

* * *

Бейцу нравилось блуждать по лабиринтам виртуального мира. То, что для непосвященных выглядело непонятным и загадочным, для него было привычным. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде, в отличие от мира реального, где Бейц ощущал постоянный дискомфорт, вызванный нежеланием и неумением приспосабливаться к законам этого мира.

Бейц был одним из лучших программистов на факультете, и закончил учебу с отличием, но вот с работой не сложилось. Таких как он – грамотных и толковых программистов хватало, и теперь Бейц вынужден был влачить жалкое существование безработного, живущего на пособие. Не таким представлялось ему будущее.

Как-то раз в кафе, где собирались компьютерные гении разного пошиба, обмениваясь новостями, Бейц познакомился с одним известным хакером, который и предложил ему заработать. С тех пор Хьюго периодически подбрасывал Бейцу работу.

Каждая паутинка информационной сети вела Бейца в какую-то неведомую даль, где могли ожидать всевозможные сюрпризы – как правило, не очень приятные. Охранные системы серверов не очень отличались друг от друга. Он быст-

ро научился их взламывать, и бродил по защищенным и закрытым для других сетям, как у себя дома, скачивая нужную информацию, за которую неплохо платили. Он становился все более уверенным в себе, напористым, настоящим профи среди хакеров. Его известность росла, а соответственно – и гонорары за его услуги. Бейц постоянно совершенствовал свое мастерство, стремился поднимать планку все выше и выше, замахиваясь на такие предложения, от которых его коллеги-хакеры шарахались, как черт от ладана.

И пришел тот день, когда Бейц решился поработать на себя и воплотить в жизнь намерение, которое давно зрело у него в голове. Вопрос, в данном случае, касался не только денег, хотя и они играли не последнюю роль, а скорее престижа. Поделись он своим замыслом с кем-нибудь, его наверняка назвали бы ненормальным. Но, как известно: пока не попробуешь – не узнаешь, выйдет из этого что-нибудь или нет.

Первый уровень защиты он преодолел без проблем. Возможно, какого-то дилетанта это и обрадовало бы, но только не Бейца. Его это насторожило…

Но тогда он еще не знал, что своим легкомысленным поступком уже подписал себе приговор.

* * *

Михаил был слегка озадачен неожиданным появлением

в своей холостяцкой квартире в разгар рабочей недели друга детства Сереги – известного в городе журналиста, с которым он уже давненько не виделся. Безусловно, он был рад гостю, но…

Сергей ввалился к нему на ночь глядя с дорогим коньяком и пакетом закуски. Михаил не стал ни о чем расспрашивать друга, решив: «Раз пришел человек, стало быть, нужно ему».

Они выпили по паре рюмок за встречу, и Серега не сдержался:

– Ну, и что же ты меня не спрашиваешь: зачем, дескать, приперся, и что мы, в конце концов празднуем?

– Если захочешь, то сам расскажешь, а не захочешь – чего зря приставать?

– Психолог, ты батенька. Мне бы твою уверенность в правильности собственных поступков.

– А у тебя что, возникли какие-то трудности с этим?

– Да есть немного, – признался Сергей.

– Честно говоря, никогда бы не подумал, что именно у тебя могут возникнуть вопросы типа «быть иль не быть…»

– Сам не ожидал. Однако же, возникли, – угрюмо произнес Сергей и задумался.

– Ну, давай, колись, что там у тебя стряслось, – вернул его к действительности Михаил.

– Случилось то, что пришла беда откуда не ждали.

– Весьма туманное объяснение, друг мой Серега, и поскольку я не владею даром чтения мыслей, то смею тебя за-

верить, что ни черта пока не понял.

– Так тошно, Миха, не поверишь, – ответил Сергей и неожиданно предложил: – Давай выпьем за великие открытия, которые лучше не совершать.

– Осмелюсь предположить, что одно из них ты таки совершил?

– Правильно понимаешь. Я сегодня такое выяснил, что всем тошно станет, если обнародую.

– Тогда может, не нужно?

– А что мне теперь – одному с этим жить? Ну, скажи?

– Не знаю, Серега? Я даже не знаю, о чем идет речь, и что ты там такое выяснил. Если то, что до конца света остались считанные дни, то лучше помалкивай, а то вселенской паники не избежать, – пошутил Михаил.

– А говорил, что мысли читать не умеешь, скромняга. Представь себе, что ты почти угадал, – огорошил его друг.

– Ни фига себе!

– То-то и оно.

– И когда прикажешь, не создавая паники, укутываться в простыни и отползать в сторону кладбища?

– Не все так просто, Миша, как ты может быть, уже нарисовал в своем воображении.

– А в чем же сложность? Конец света, он и есть конец света – мир в руинах и пепелище, человечеству каюк. Одним словом – армагедец.

– Насчет второго спорить не стану, а относительно перво-

го – все с точностью до наоборот.

– Силен ты, Серега, загадками говорить. Просто аж башка пухнет.

* * *

Бейц прошел третий уровень защиты, и был в двух шагах от заветной цели. Он ликовал, но в глубине души его грыз подлый червь сомнения. Ну, не должно было все пройти, как по маслу. Внутренний голос нашептывал, что, возможно, это ловушка, и лучше было бы убраться восвояси, пока не случилось беды. Но слишком уж заманчивый куш лежал не кону…

В случае успеха Бейц мог получить очень большие деньги. Бейц раскурил сигару и, глядя на экран монитора, с виртуозностью пианиста исполнил на клавиатуре свою партию, преодолев последний уровень защиты и войдя в нужный ему сервер. Оставалось ввести свои банковские реквизиты и перебросить на личный счет несколько миллиардов из хранилища международного банка, чтобы стать самым богатым человеком на планете.

Но добиться триумфа ему так и не было суждено. Единственное, что он успел, так это нарисовать в своем воображении картины безудержной и расточительной траты украденных миллиардов.

Не успел завершиться процесс переадресации, как дверь

вынесло взрывной волной, и в квартиру ворвались люди в масках.

«Обидно, – подумал Бейц, – что все хорошее заканчивается подчас, так и не начавшись».

Но даже когда его выводили в наручниках из дома, Бейц ликовал в душе. Ведь ему почти удался его сумасшедший замысел, и, несмотря на то, что его запеленговали и вычислили, он все-таки сделал это. Бейц знал, что теперь хакеры будут слагать легенды о парне, который взломал сервер международного валютного банка, и легенды эти будут о нем.

Бейц еще не знал, какое наказание ему придется понести за содеянное.

* * *

После услышанного от Сергея пессимистического прогноза на будущее, Михаил просто таки не мог не наполнить рюмки. Приняв «успокоительное», он поинтересовался:

– Так что, друг мой, значит твоя сакраментальная фраза «с точностью до наоборот»? Нас ожидает война, в которой люди забросают друг друга нейтронными бомбами и все погибнут, а мир останется незыблем, но безлюден? Такой конец света ты прогнозируешь?

– Насчет войны тоже правильная мысль, Миха. Только это будет не третья мировая, а война миров. И она уже началась.

– Как у Герберта Уэлса?

– Герберту Уэлсу такой вариант развития событий и не снился. Все намного сложнее и изящнее Миха.

– Я, Сережа, конечно не Станиславский, но, знаешь, мне так и хочется заорать: «Не верю!»

– Ты, Миша, что хочешь можешь орать, только от этого ни черта не измениться. Поверь на слово.

– То есть, ты хочешь сказать, что выяснил неопровержимый факт нападения на Землю инопланетян, и скоро всем нам кердык?

– В общем, очень близко к сути дела.

– И у тебя, разумеется, есть железные доказательства, и ты можешь предоставить их мировой общественности, но решил начать с меня.

– Разумеется у меня имеются доказательства, иначе бы я не стал сотрясать здесь воздух пустой болтовней, стараясь произвести на тебя неизгладимое впечатление. Но вот стоит ли их обнародовать, я пока и сам не знаю…

– Дела… – вздохнул Михаил, и потянулся к бутылке.

* * *

Бейц лежал на кушетке в своей камере, и смотрел какой-то фильм по телевизору, подвешенному к потолку. Но смысл происходящего на экране его не трогал, поскольку не проникал в сознание – оно было заполнено совершенно иными мыслями. Он отнюдь не раскаивался в содеянном,

а анализировал, и искал, где была допущена ошибка. Откуда ему было знать обо всех тех технических примочках, установленных на банковском сервере?

Бейц бросил вызов обществу, стремясь доказать всем, что обладает незаурядными способностями. И проиграл. Что поделаешь? Чаще всего в жизни так и бывает, и не судят только победителей. Проигравшим же приходится расплачиваться за все, и по полной…

Заседание суда было закрытым, и в зале присутствовала лишь судейская коллегия помимо, разумеется, подсудимого. Состав преступления был налицо, смягчающие вину обстоятельства отсутствовали напрочь. Поэтому рассмотрение дела не заняло много времени.

Приговор суда был окончательным и обжалованию не подлежал. За совершенное Бейцем Гонседом преступление против общества он был признан опасным общественным элементом, вступившим в конфронтацию с действующим законом. Его признали виновным в попытке присвоения материальных ценностей в особо крупных размерах, и приговорили к высшей мере наказания – изгнанию из общества. Приговор надлежало привести в исполнение после глубокого зондирования сознания и удаления из него воспоминаний о совершенном преступлении.

Бейц понимал, что фраза «глубокое зондирование сознания» подразумевает малоприятную процедуру промывания мозгов. Но он даже предположить не мог, куда именно, и как

именно его отправят в изгнание.

* * *

Неожиданно Сергей спрсил:

– А помнишь, Миха, в нашем районе жил сумасшедший по прозвищу Инопланетянин?

– Который всем рассказывал, что прибыл к нам с другой планеты с какой-то выдающейся миссией, – тут же подхватил Миха. – А когда мы, мальчишки, начинали у него выпытывать, в чем эта миссия, Инопланетянин злился. Конечно, помню, и стыжусь. Тогда нам казалось забавным подразнить его, а ведь это было жестоко – потешаться над больным. Жалко, что понимание некоторых вещей приходит с возрастом. А что это ты о нем вспомнил? Тоже совесть мучает?

– Ну, это-то само собой. А представь себе такую ситуацию: на какой-то планете живет достаточно развитая цивилизация гуманоидов, которые и в космос летают, и добились чего только можно в различных сферах жизни – медицине там, экономике и так далее.

– Куда это ты клонишь? И какая здесь связь с Инопланетянином?

– Представь теперь, что этой суперцивилизации угрожает какая-то опасность: то ли солнце у них там угасает, то ли перенаселение планеты, ну, не важно. Так вот, их ученые начинают искать выход. А поскольку цивилизация эта – ого-

го! – то предположим, что они научились записывать на – назовем это условно – некую матрицу, информацию, хранящуюся в сознании.

– И что дальше?

– А дальше, они находят в космосе подходящую для жизни планету, но она уже населена разумными существами. И тогда они проводят ряд экспериментов по внедрению этой информационной матрицы в сознание аборигенов. Понятно, что сразу получить стопроцентный положительный результат невозможно. Какие-то эксперименты удаются, какие-то – увы. Результаты удачных – это явление миру Леонардо с его летательными и подводными аппаратами, опередившими свое время, Жанны д'Арк, обладавшей знаниями полководца, Черчилля – лауреата Нобелевской премии в области литературы, который даже не получил аттестат о среднем образовании из-за плохой успеваемости. Неудачных – сотни и тысячи таких, как Инопланетянин, с раздвоением личности. Затем головастым гуманоидам удается исправить ошибки, и мы получаем армию экстрасенсов со всевозможными способностями к ясновидению, телекинезу и прочими паранормальными способностям. Но, как правило, это уже взрослые люди…

– Ты думаешь, что это результат вмешательства инопланетян, а не естественный процесс эволюции человечества?

– Какая, к чертям собачим, эволюция, Миша? Дослушай меня до конца, пожалуйста. Пик достижений гуманоидов –

это появление детей индиго. Детей с паранормальными способностями, а не взрослых. Я тут о них статью готовил, с разными научными светилами общался, и выяснил множество интересных фактов. Заметь, все эти дети или сами рассказывают о встрече с инопланетянами, или об этом удается узнать у них под гипнозом. А они используют свой мозг на сорок—сорок пять процентов, в отличие от нас, простых смертных. Мы научились использовать, максимум, на семь. Дальше – больше. У них изменяется структура ДНК, и у них существует внутренняя связь между собой. Вот тебе и эволюция. Война миров, которая и не снилась Уэлсу. Все это голые факты. А теперь, с твоего позволения, я сделаю некоторое выводы. Вскоре дети индиго повзрослеют, и с их-то способностями завладеют ключевыми постами на политической арене во всем мире. В общем-то, это неплохо, поскольку они начнут спасать планету, которую люди, грубо говоря, достаточно загадили. А этим самым детям индиго и их потомкам предстоит жить на ней дальше. А, возможно, и тем, кто создал детей индиго. Такой вот конец света вырисовывается для человечества. И счет уже идет не на сотни, а на какие-то десятки лет. Но самое-то скверное, Миша, что и рассказывать обо всем этом нельзя, чтобы не вызвать в обществе охоту на ведьм, в смысле, на детей индиго…

* * *

Сергей во многом был прав. Он сделал одно из тех самых открытий, которые не стоило обнародовать. Прогресс как на планете Земля, так и на другой далекой планете, населенной гуманоидами, двигался вперед. И если матрицы внедренные в сознание людей инопланетянами раньше – сорок-пятьдесят лет назад, – активировались по мере взросления этих людей, когда те достигали двадцатилетнего возраста, и их сознание было в основном, сформировано, то теперь это происходило намного быстрее и раньше. Доказательством тому стали дети индиго. И хотя Сергей не знал деталей всего происходящего, но суть он уловил точно.

Вот чего он не мог знать, так это того, что матрица сознания хакера Бейца с далекой планеты уже давно активировалась в сознании одного земного шалопая, которому ее внедрили много лет назад. И теперь мечта Бейца сбылась. Пусть не на своей родной, а на чужой далекой планете. И теперь весь мир знал его, как Билла Гейтса – одного из самых богатых людей на Земле.

Секрет удачи

В подвале было холодно и темно. Воздух пропитался затхлостью и сыростью, к которым примешивался запах плесени. Воображение рисовало висящие на заплесневелых стенах капли влаги, которых в кромешной тьме Егор, разумеется, видеть не мог, но догадывался, что они есть. Он сделал несколько осторожных шагов наугад, выставив руки перед собой, и уперся в стену. Она действительно оказалась на ощупь сырой и липкой. Выругавшись, он мелкими шажками пошел вдоль стены, ощупывая ногами путь перед собой, пока не натолкнулся на какой-то ящик. Егор сел на него и задумался.

В такую переделку ему еще не приходилось попадать. Нужно было успокоиться и осмыслить случившееся, но эмоции переполняли его. Все происходящее смахивало на плохой голливудский ужастик, в котором ему отводилась далеко не лучшая роль, и она Егору совершенно не нравилась, как, впрочем, и сценарий, согласно которому, события будничной действительности внезапно и стремительно переросли в какой-то мистический трагифарс, с предсказуемым финалом, неприятным, как и все остальное.

Егор пытался понять, что же произошло на самом деле, что бы это могло значить, и как более-менее разумно можно все это объяснить. Но никаких разумных объяснений слу-

чившемуся, к своему величайшему сожалению, он не находил…

* * *

Женька ушел служить в армию в начале восьмидесятых. Там он приобрел профессию бульдозериста и определенный жизненный опыт. Домой после службы возвращаться не стал – поддался на уговоры сослуживца Пашки и поехал с другом искать счастья на север дальний.

Так и скитался пятнадцать лет в суровых краях: золото добывал в старательских артелях, алмазы в Якутии, пушнину в сибирской тайге. Деньги заработал за эти годы большие, но собственным углом и семьей так и не обзавелся. И все больше тянуло его в родные края.

Домой Евгений возвратился в конце девяностых. Привез он с собой в родную деревню, кроме кровно заработанного, не красавицу жену, а какого-то не то якута, не то эвенка. Старикам-родителям объясним, что этот иноверец спас его в тайге от неминуемой смерти и теперь ему как родной брат.

Многое изменилось за эти годы в стране, да, собственно, и той страны, в которой прошло Женькино детство, больше не существовало. Родная деревня изменилась до неузнаваемости. Большая часть домов теперь пустовала и разваливалась, а их хозяева подались вместе с семьями искать лучшей жизни в другие края. В деревне доживали свой век лишь

одинокие старики-пенсионеры, которым некуда, да и незачем было ехать, и которых можно было перечесть по пальцам.

На сельмаге, как и на клубе, висел амбарный замок, на току и по полуразвалившейся ферме гулял ветер, вокруг царили запустение и безысходность.

Финансовое состояние Евгения позволяло ему приобрести добротный дом где-нибудь в городе, хорошую машину и еще бы осталось на безбедную жизнь, но он решил поступить со своим капиталом по-другому…

* * *

Память странная штука – она иногда вытворяет с людьми необъяснимые вещи. Порой ты не можешь вспомнить, куда вчера задевал ключи, которые точно знаешь, что держал в руках, но зато отчетливо помнишь какие-то события десятилетней давности, причем до самых мельчайших подробностей.

В институте странные события происходили с Егором дважды. Первой жертвой стал парень из его группы – Сергей. И ссора-то произошла из-за ерунды, если по большому счету. После первого курса они отрабатывали практику на строительстве нового корпуса института в качестве подсобных рабочих. Естественно, рабочий день, кроме работы, был заполнен всевозможными шуточками, подначками и подкол-

ками друг друга. Серега выбрал для своих острот не самый удачный объект – самолюбивого и надменного сокурсника Егора. Всем с самого начала было ясно, что их словесная дуэль долго не продлится, и все это закончится плохо. Так оно и случилось. Однажды самообладание изменило Егору, он не сдержался и бросился на Серегу с кулаками. Драка получилась не зрелищная, да и вообще не драка, а так – пара зуботычин, после которых сокурсники растащили соперников, но обиду Егор на Серегу затаил в душе лютую.

Второй курс Сереге пришлось прервать вскоре после зимней сессии, на два года сменив модные кроссовки на армейские сапоги. Причиной стала пьянка после стипендии в институтском общежитии. Такие мероприятия не поощрялись ни комсомольской организацией, ни деканатом. Правда, если они проводились тихо, это еще сходило с рук, но компания, в которой веселился Серега, непростительно увлеклась, утратив всякие приличия и самоконтроль. Ребята играли на гармошке, орали пьяными голосами песни, а их подружки, вдохновленные градусами, исполняли под аккомпанемент танцы, напоминающие привычный ныне, но яростно осуждаемый тогда «империалистический» стриптиз. Скандальная получилась история, с крайне неприятными для участников событий последствиями.

На третьем курсе института Егор познакомился с Наткой, на свадьбе у своего одноклассника. Наткин ухажер Игорь выполнял в тот день почетную и нелегкую задачу – как

свидетель гражданского акта бракосочетания, он вынужден был охранять невесту от всевозможных на нее посягательств со стороны неуемных на сей счет гостей. Объяснив Егору сложную ситуацию, в которой оказался Игорь, жених попросил его поухаживать за Наткой, что Егор с удовольствием и сделал. Возвращаясь вечером домой, слегка захмелевший Егор подумал с сожалением: «Классная девчонка эта Натка, жаль только уже занята».

Через пару месяцев, сдав сессию, Игорь поехал на каникулы во Львов, причем один – без Натки. Объяснялось это тем, что поездка носила отнюдь не экскурсионный, а деловой характер. И дела эти были связаны с фарцовкой, коей Игорь промышлял без отрыва от учебы в институте. Прикупив десятка два джинсов, любимых молодежью и дефицитных в те времена, он не придумал лучшего способа передвижения, как поддаться на рекламный призыв: «Летайте самолетами Аэрофлота» и попереться со своим багажом в аэропорт.

То, что называется ныне «предпринимательской деятельностью», в середине восьмидесятых не поощрялось государством, именовалось спекуляцией и за нее даже сажали в тюрьму. Такая участь и постигла незадачливого студента-бизнесмена. И пока он, как говорят на жаргоне, «тянул срок», Егор с Наткой провели вместе два прекрасных года, полных любви и незабываемых впечатлений. Потом Егор пошел в армию, а Натка… вышла замуж.

И выходило, что Егор сыграл роковую роль в судьбах Сергея и Игоря…

* * *

Отдохнув недельку в родных пенатах и все обмозговав, решил Евгений стать фермером. Стартового капитала, заработанного своими руками, ему с лихвой хватило на покупку техники и семян, а руки у Женьки росли из того места, откуда надо, да и голова соображала. В первый год своего фермерства он даже ухитрился подвести в деревню газ, чего в свое время не смогла осилить советская власть, видимо, считая деревеньку бесперспективной уже в те годы. А Женька с упорством бульдозера, на котором проработал не один год, пахал, сеял и строил, веря в то, что сумеет дать вторую жизнь деревне, где прошло его детство и где хотел он встретить свою старость.

Ему интересно было заниматься настоящим делом и видеть плоды своего труда. Хотя порой он и ловил себя на мысли, что затеял ой какое непростое дело – поднять из руин деревеньку в глубинке, – но стремление достичь поставленной цели помогало преодолевать трудности. И во всех его начинаниях участвовал верный друг – сибиряк Хонк.

Самой трудной для Евгения оказалась задача переделать психологию людей, пришедших работать в его фермерское хозяйство. Народ жил по-старинке, и так же трудился.

Идея построения коммунизма умерла, породив определенную безыдейность, а пропагандируемый многие годы атеизм посеял в душах людей еще и бездуховность. Никто не изучал Библию, стремясь постичь истину, а церковные праздники праздновались лишь потому, что являлись поводом выпить. Сказывалось также отсутствие воспитания и культуры, и привычка работать «на дядю», который все равно тебя обманет, будь то председатель колхоза или новоявленный фермер.

Но церковь в деревне, как это стало модным, Женя строить не стал, ни в первый, ни в последующие годы. Сам же он изучал Библию и старался следовать ее канонам. Вместо церкви он отстраивал ферму и зернохранилище, строил мельницу и маслобойку, расчищал заброшенный сад.

Через пару лет на месте разваливающихся мазанок стали появляться газифицированные коттеджи, стирая собой пресловутую грань между городом и деревней. В них поселялись люди, которые пришли работать к Евгению всерьез и навсегда. А еще через пару лет деревня, на которой уже давно был поставлен жирный крест, начала напоминать собой западный пригород с газонами и клумбами перед домами.

Люди увидели и поняли, что наконец-то пришел настоящий хозяин.

* * *

Сестра как-то пожаловалась, что к ней пристает один карточный шулер (достаточно известная в городе личность, особенно в криминальных кругах), и попросила Егора помочь избавиться от навязчивых знаков внимания. Она работала реализатором на рынке, который являлся главным местом промысла престидижитатора. Егор попытался отыскать способ прижать шулеру хвост и отбить у того охоту приставать к сестре. Пока он находил нужных людей, общаясь с криминальным отребьем разных рангов, произошло неожиданное событие. Какая-то бандитская группировка, по невыясненным причинам, ликвидировала шулера…

Другая история выглядела если не мистической, то какой-то зловещей – это уж точно. Начальник Егора Шалин был человеком прямолинейным и грубым. Его любимым занятием было подвергать яростной критике, граничащей с издевательством, подчиненных, подавляя в тех всякий интерес и желание трудиться вместе с ним. Работать под таким нечутким руководством Егору было психологически тяжело. Через два месяца мучений он готов был уволиться по собственному желанию, чтобы больше никогда в жизни не видеть этого человека. И хотя заявление написать Егор не успел, но его желание полностью осуществилось. Неожиданно для всех Шалин перенес подряд два инсульта. После второго он начал заговариваться, забывать кого как зовут, перестал узнавать знакомых и ему дали группу инвалидности. Егора же назначили на его должность, как способного

и перспективного сотрудника – заместителем главного редактора.

Во всех этих случаях была одна закономерность: те люди, которые как-то мешали Егору по жизни или просто вызывали антипатию, со временем попадали в сложные ситуации, исчезая с его горизонта. Раньше ему казалось, что все это происходило само собой и что он, Егор, не оказывал на эти события не то что решающего, а вообще какого-то влияния. Наверное, в суматохе жизни просто не оставалось времени, чтобы посидеть вот так спокойно, как сейчас, на ящике в темном сыром подвале, и проанализировать все, да и необходимого толчка раньше для этого не было, пожалуй. Теперь он смотрел на те же события совсем под другим углом, понимая то, чего прежде не замечал (или не хотел признавать): свою роль в них…

* * *

Главный редактор был само очарование. Пригласив зама к себе в кабинет, он предложил Егору смотаться в командировку. Другой бы на месте Егора взял под козырек и браво ответил: «Есть!» – амбициозный же зам, вместо этого, принялся активно возражать.

– Объясни ты мне, Петрович, почему именно я должен ехать в этот Мухосранск? – не скрывая раздражения, поинтересовался он. – Корреспондентов у нас мало или что?

– Или что, – передразнил шеф. – Корреспондентов-то у нас хватает, но съездить должен именно ты. И не кипятись. Там делов-то на два часа, за день туда и назад обернешься.

– Да я вообще не понимаю, кому этот материал может быть интересен? Мало ли сейчас всяких шизов развелось. О каждом писать, места в газете не хватит, а сенсации я в этом не вижу.

– Не видишь, и не нужно, обойдемся без сенсаций. Между прочим, мы о каждом, как ты изволил выразиться, шизе и не пишем. А вот этим конкретным экземпляром интересуются в определенных кругах, что само по себе уже заслуживает внимания и именно твоего там присутствия. Улавливаешь? Или еще есть вопросы?

– Уже уловил, я же способный, – буркнул Егор, смекнув, что «определенные круги» – это либо городское, либо областное руководство.

Выслушав свое задание и инструкции, он покинул кабинет главного.

С тех пор, как Егор стал заместителем главного редактора, он прекратил ездить в командировки, чему был несказанно рад. Во-первых, он тяжело переносил отсутствие привычного комфорта и страдал даже от воскресных поездок на дачу, которая по сути являлась огородом, и где не было таких приятных благ цивилизации, как кран с водой, диван, телевизор и прочее, включая холодильник с продуктами. Во-вторых, Егор не любил уезжать из города вообще, а тем более ехать

в какую-то глухую деревню…

* * *

Слава о бойком фермере быстро разнеслась по городам и весям. Хозяйство его кто-то окрестил коммуной, да так и прилипло это название, а личностью фермера вскоре заинтересовались в определенных кругах. Вопросов возникало много. Как сумел один человек за такой короткий срок, без всяких банковских кредитов, в условиях давления налогового пресса не просто организовать свое дело, а еще и успешно? Что за коммуну он там создал и с какой целью?

Именно с целью прозондировать ситуацию на месте и выяснить, кто стоит за странной коммуной, кто ее финансирует и чего хочет, под предлогом написания очерка о процветающем фермерском хозяйстве, Егор и был направлен в командировку.

* * *

«Тоже мне, блин, борцы за мир во всем мире, – думал Егор по дороге к цели своего редакционного задания. – Придумали тоже тему – разоблачить „Аль-Каиду“ с Усамой бен Ладеном Мценского уезда. Ну, раскрутился какой-то богатенький Буратино, а теперь от щедрот решил бедноте кусок бросить, так сразу паника. Тащись теперь за сотню километ-

ров и выслушивай бредовые идеи этого доморощенного Фурье».

Егор и не предполагал, что его рассуждения в чем-то весьма близки к истине. «Аль-Каидой», разумеется, здесь и не пахло, а вот по поводу всего остального стоило подумать. Пообщавшись с Евгением, к которому спецкора провели без промедления, Егор установил окончательный диагноз. «Так и есть, – сделал он вывод. – Начитался в детстве утопистов, а повзрослев, решил воплотить в жизнь заветы Ильича. Целая страна, блин, не смогла, а тут нашелся гений-одиночка, который решил построить коммунизм в отдельно взятой деревне. Смело, но глупо».

Евгений восторженно рассказывал о своих достижениях, делился с Егором планами на будущее, и тому даже стало жаль беднягу. «Как же больно тебе будет падать с высоты полета твоей мечты. И твой Город Солнца фиг дадут достроить. Ну, еще пару коттеджей может и успеешь соорудить, а потом тебя просто тупо грохнут, чтоб чего не вышло – и финита. Скромнее нужно жить и не привлекать к своей персоне излишнего внимания».

Как и предполагал Егор, практик идеи коммунизма вскармливался духовной пищей, черпаемой ил Библии. Правда, глобальное привлечение к вере жителей коммуны не практиковалось. Услышал Егор и историю таежного жителя Хонка. Дружба его с Евгением началась много лет назад с того, что однажды Хонк нашел в тайге истекавшего

кровью Женю, которого помял медведь. Он притащил раненого на себе в селение, вылечил и выходил. С тех самых пор они стали неразлучны. В коммуне Хонк выполнял обязанности первого советника, совмещая их с врачебной практикой. Коммунары, знающие о необычных экстрасенсорных способностях таежного жителя, называли его за глаза шаманом и слегка побаивались, хотя жители соседних деревень шли к лекарю чередой.

Два часа, о которых говорил шеф, незаметно растянулись на полдня. Егор полагал, что с заданием он справился и готов был уже откланяться. Материала дня очерка было более чем, да и обо все остальном Егор уже составил собственное мнение. И тут произошел тот самый его величество случай, который испортил все. Евгений решил познакомить гостя с Хонком.

Войдя, Хонк пристально посмотрел на Егора и что-то сказал на непонятном языке, обращаясь к Евгению. Фермер перевел слова шамана. Оказалось, тот говорил, что у гостя плохая аура. «Вот это мило! – внутренне возмутился Егор. – Но мою ауру, ребята, мы обсуждать не, будем, а лучше побеседуем о вашей дружбе».

И он задал Евгению вопрос:

– А скажите, как вы относитесь к тому, что медицинские эксперименты Хонка, как, собственно, и ваша с ним дружба, не одобряются во Второзаконии вашей настольной книги?

– Что вы имеете в виду?

– Стихи Библии, в которых сказано приблизительно следующее: «Не должен находиться у тебя в доме прорицатель, гадатель, чародей, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это…» – многозначительно и злорадно произнес Егор.

Вот тут-то у него и начались проблемы.

* * *

Кен вторгся в мозг беззащитного зверька и просканировал его. Белка на несколько секунд замерла на ветке, почуяв что-то неладное, а затем продолжила свой путь, прыгая с одного дерева на другое, видимо, решив, что ей просто что-то показалось.

Кен, разочарованный, вернулся к своему разрушенному звездолету, приняв телесную оболочку животного, в сознании которого только что побывал. «Примитивное существо, – передал он мысленный импульс Чону, уклонился от летящей в него стрелы, и тут же просигнализировал товарищу: – Осторожно! Опасность!»

Чон метнулся в чащу, из которой прилетела стрела. Два охотника, привлеченные падением звездолета и пришедшие к месту катастрофы, были мгновенно погружены Чоном в гипнотический сон. К тому времени, как Кен снова принял свой привычный бестелесный облик и облачком подплыл к людям, Чон уже успел просканировать мозг одного из охотников.

«Эти существа разумные, – передал он Кену, – но находятся на очень низкой ступени развития. Они далеки от нас на целую вечность».

«Придется приспосабливаться к новым условиям жизни», – ответил Кен.

«Ты собираешься жить среди дикарей?» – удивился Чон.

«А ты можешь предложить что-то другое?»

«Я бы впал в анабиоз лет на триста, а уже после посмотрел что и как».

«Ты всегда был эгоистом, Чон, но судьба распорядилась таким образом, что мы оказались здесь и сейчас. Возможно, именно для того, чтобы помочь этим несчастным скорее преодолеть их дикость и взойти на более цивилизованный уровень. А ты предлагаешь самоустраниться».

«Помощь жителям чужих планет не входит в наши обязанности, Кен. И ты знаешь это не хуже меня».

«Но ситуация-то сложилась экстраординарная. В общем, поступай как знаешь, а я, раз уж оказался здесь, буду приспосабливаться».

«Да ладно тебе, – примирительно сказал Чон. – Куда я от тебя денусь, тем более ты – старший, а субординацию никто не отменял».

* * *

В тот момент, когда Егор решил блеснуть эрудицией и по-

казать хозяевам, что тоже читал в своей жизни кое-какие умные книжки и даже что-то запомнил из прочитанного, он не рассчитывал, что его поступок приведет к таким непредсказуемым последствиям.

Как только он закончил цитировать Библию, с Евгением начали происходить странные вещи, очень даже напоминающие сердечный приступ. Бедняга хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, прижав руку к сердцу. Доктор-шаман вместо того, чтобы броситься на помощь другу, продолжал пялиться на Егора, как удав на кролика. Его гипноз возымел действие: все тело журналиста сковал столбняк и он не в силах был пошевелить ни одним пальцем, а потом начал плавно погружаться в забытье. Последнее, что он помнил, были слова, доносившиеся до его сознания словно бы из-за стены и непонятно кому адресованные: «Ты его не получишь, Чон. На этот раз ты выбрал кусок не по зубам…»

Очнулся Егор уже в подвале, подавленный и недоумевающий. И вот теперь он сидел на сыром ящике и размышлял. Виновным во всех неприятностях своих недругов он начал считать себя. Теперь он твердо знал, что его желания, или, вернее сказать, недоброжелательства было достаточно для того, что случалось со всеми ними. Это было как приказ, отданный им кому-то свыше – какому-то ангелу-хранителю, незримому, но могущественному. И еще он знал, что этот защитник пытался убить фермера, и что теперь у него, Егора, этой защиты больше нет.

Его сознание отказывалось смиряться с такой мистической действительностью, но он был уверен, что все это – правда.

Но его дар на сей раз подвел – видимо, шаман оказался совсем непрост и понял что к чему. Теперь Егору оставалось только гадать, какую казнь ему уготовили: распятие, четвертование или сожжение на костре?..

* * *

Не спалось этой ночью не только Егору, но и Хонку. Он сидел у постели Евгения, которому все еще было худо, и вспоминал детство. Вспоминал, как дед учил его распознавать следы зверя в тайге, собирать коренья и травы, объясняя, какими лечебными свойствами они обладают. Почему-то вспомнилась легенда о двух братьях, которую он тоже слышал от деда.

Оба они были смелыми и удачливыми охотниками, жившими обособленно от всех, и полюбили одну и ту же девушку из таежного селения. Ни один из братьев не желал уступать другому. Тогда старший, более мудрый, рассудил так: пускай девушка сама выберет себе мужа. Младший брат согласился с таким предложением. Когда же выбор девушки пал на старшего брата, младшего обуяли обида и злость. Они съедали охотника и разрастались в его душе с каждым днем. И вот однажды младший убил на охоте своего родного брата,

надеясь, что теперь красавица достанется ему. Но дух убитого брата не мог смириться с коварством и несправедливостью. Он вселился в шамана и тот узнал обо всем. На совете старейшин младшего брата приговорили к позорной смерти, после которой его душе никогда не смогла бы попасть в царство вечной охоты, куда переселялись души умерших охотников. Его отвели в тайгу, привязали к дереву и оставили на съедение диким зверям. А его несчастной душе, которую не приняли в царство вечной охоты, суждено было отныне вечно скитаться по свету.

Иногда она находит подобных младшему брату – надменных и самолюбивых людей и вселяется в них. Из-за этого нет покоя и душе старшего брата, которая вынуждена скитаться по миру в поисках души своего убийцы, защищая от нее невинных людей. И нет конца этой многовековой вражде, и нет конца гонению грешной души убийцы…

* * *

Егор не удивился, когда к нему в подвал пришел Хонк. «Похоже, что фермер уже беседует с Богом, – уныло подумал он. – Сейчас и мне придет конец…». А вот удивился Егор, причем весьма, когда ему возвратили диктофон и портфель, да еще любезно предложили подвезти до станции. Все еще не веря в свое чудесное освобождение, Егор поблагодарил Хонка и, поспешно попрощавшись, быстрым шагом пошел

прочь.

Уточнять какие-то подробности вчерашних событий Егору не хотелось. Что-то сломалось в нем после проведенной в подвале ночи. Слишком много всего свалилось на его голову. Необходимо было время, чтобы улеглось душевное смятение, чтобы разум снова мог воспринимать осмысленно странные события как вчерашнего дня, так и прожитых лет.

* * *

– Где наш гость, Хонк?

– Уехал домой, Женя. Я подумал, что ему здесь нечего делать. – Хонк помолчал и спросил: – Помнишь легенду о двух братьях?

– Ты хочешь сказать, что душа младшего жила в нем?

– Не нужно трактовать сказки так буквально, – улыбнулся Хонк. – Эта легенда всего лишь напоминание людям о том, что борьба добра и зла бесконечна. А каждый из нас, сознательно или неосознанно, своей жизнью делает выбор в пользу одной из этих сторон. Ты с этим журналистом, как те два брата.

Хонк не стал подтверждать догадку Евгения, что тот действительно повстречался с духом младшего брата, который жил в журналисте на благодатной почве надменности, гордыни, высокомерия, самолюбия и своенравности. И сделал он это не потому, что такой рассказ выглядел бы нелепым,

а потому что и сам этого не знал. Последнее, что Хонк помнил, было то, как он пытался усыпить журналиста, от которого внезапно повеяло каким-то могучим злом. Потом кто-то вроде бы вторгся в сознание Хонка и отключил его. Он не слышал разговора Чона и Кена, которые выясняли свои давнишние разногласия, заняв для удобства сознания его и Егора. Чон старался доказать, что люди – это скопище жадности, зависти, зла, а Кен по-прежнему стремился переубедить его в обратном. Хонк не мог этого слышать, как не мог объяснить, откуда он знает, чем болен тот или иной человек и как его нужно лечить. Когда пришел к нему этот дар, он не помнил.

Может, тогда, когда дед водил его незадолго до своей смерти далеко в тайгу и показывал священное место, где, по преданию, с небес спустились два брата, а может, после смерти деда в Хонка переселились знания и мудрость старика. Он не знал этого так же, как и того, что священное место уже многие годы разыскивают ученые как место падения Тунгусского метеорита, хотя на самом деле это было место гибели космического корабля Чона и Кена.

Письма к незнакомке

Александре Хрусталь
посвящается

Они познакомились на одном из многочисленных интернет форумов и как-то сразу почувствовали взаимный интерес. Их переписка продолжалась больше года, хотя никто из них не вторгался в личную жизнь другого. Они даже не знали имен друг друга. Были только ники: Лола и Алекс, и мысли, облаченные в слова…

Здравствуй, Лола.

Наконец-то шумный мир за окнами окутало звездное покрывало ночи, и он плавно погрузился в царство сна. Всматриваясь в темноту, разбавленную мерцанием звезд на небосклоне и светом одиноких унылых фонарей, вслушиваясь в звуки ночного мира, представляю себе тихие улочки и дома спящего города, где прошла жизнь. И задумываюсь иногда о том, как она прошла. И не прошла ли стороной? Вспоминаются слова одной песни: «…а кто-то ведь сейчас не спит, а кто-то этот поезд ждет…». И додумываю: «А кто-то в нем едет, преисполненный самых светлых ожиданий, рассчитывая на то, что все у него сбудется и доедет он именно туда, куда собрался. А для кого-то, возможно, этот поезд уже ушел».

Ты, видимо, терзаешься вопросом, отчего я так настойчиво тебе пишу? Тут все просто. Я почувствовал, что ты – именно тот человек, который способен выслушать и понять, что уже не так мало. Судя по ответам, мои письма не вызывают у тебя отталкивающей реакции и негативных эмоций, а иной раз даже чем-то интересны.

Ты уж прости меня за откровенность, но бывают, знаешь ли, в жизни моменты, когда возникает желание выговориться. Вот только не всегда это получается, поскольку, как говаривал один киногерой – наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями. Изливать душу случайному знакомому в пивной не в моих правилах, а потому и приходится хранить что-то сокровенное внутри той самой души.

Знаешь, Лола, однажды я поймал себя на мысли, что мне всегда были интересны чьи-то – чужие истории. А с годами накопилось порядком и собственных. Может, поэтому и возникает порой глупое желание с кем-то ими поделиться. Только вот не силен я в этом деле, сознаюсь тебе честно. Потому и сомневаюсь, что получится это у меня хорошо. Ты уж прости за мой, далекий от совершенства, слог, но я все же рискну рассказать одну.

Когда-то давно – в годы своей юности я загадочным и непостижимым уму образом, научился чувствовать людей на расстоянии. Разумеется, ты можешь не поверить, поскольку звучит это неубедительно и даже абсурдно. Вот о том, как это случилось, я и хотел бы рассказать.

Думаю, участники тех событий не будут в обиде, поскольку порой мне кажется, что произошло все это не со мной или в какой-то иной жизни. В то время, я был эдаким двадцатилетним максималистом, верящим в справедливость, порядочность, честность и прочую идеалистическую чушь, которую с успехом выбила последующая – реальная жизнь. И если кто-то станет меня убеждать в том, что в жизни все обстоит не так плохо и все перечисленные добродетели имеют место в ней быть, то я не стану с ним спорить. Ведь если бы их не было, то жить было бы просто невыносимо. Вот только кто-то искренне в них верит, как в некие жизненные принципы, и даже старается им следовать, а кто-то руководствуется прямо противоположными убеждениями. Но сейчас речь не об этом.

То было замечательное и прекрасное время, и не потому, что вода была мокрее, а трава зеленее. Просто я был молод и влюблен в одну прелестную девушку, с которой вместе учился. Милую, симпатичную, отвечавшую мне взаимностью, но, как оказалось, совершенно безвольную. А может наоборот – слишком хорошо понимавшую, уже тогда, некоторые неписаные правила жизни, и умеющую правильно расставлять приоритеты.

Возможно, у нас с ней и могло бы все сложиться наилучшим образом, возможно, мы бы даже поженились, родили детей и были бы счастливы, но жизнь штука загадочная, непредсказуемая и полна неожиданностей.

Как выяснилось, ее родители не одобряли выбор дочери. Причина их отсутствия симпатии ко мне оказалась достаточно простой. Бедный студент (коим я был в те далекие времена) совершенно не вписывался в благополучную картину будущего их единственной любимой дочери. Более того, как выяснилось, в кругу этих людей было принято судьбу своих детей решать без учета их мнения. Однажды любимая поведала историю, от которой мне стало не по себе. Оказалось, ее заботливые родители, несмотря на наши планы, уже выбрали ей будущего мужа (в стиле «добрых» восточных традиций). Эта ситуация была настолько нелепой в конце двадцатого века, что походила на какую-то средневековую трагикомедию. Я был так этим потрясен, что решил внести коррективы в эти планы и стать «кузнецом своего счастья».

Теперь-то, годы спустя, я понимаю, что не имел никакого права осуждать этих людей. Ведь они по-своему искренне желали счастья своему ребенку, пусть даже не учитывая ее мнение, а руководствуясь собственными взглядами на жизнь. Но тогда…

В тот же вечер я пришел к моей избраннице с цветами и с твердым намерением просить ее руки. Увидев меня, она жутко запаниковала, а, узнав о моих планах, тут же утащила гулять.

Все это случилось за несколько дней до приезда в отпуск, назначенного в мужья молодого человека, жившего в другом городе. Время его прибытия неумолимо приближалось,

и нервы у меня были напряжены до такой степени, что казалось еще чуть-чуть, и они лопнут, как перетянутые струны.

Я был в замешательстве и, откровенно говоря, не знал, как правильно поступить. Да и теперь не уверен, что сделал тогда все так, как нужно. Наверное, потому, что жутко боялся ее потерять, совершив какой-то необдуманный поступок, я вел себя несколько нерешительно. Но чем больше я думал обо всем происходящем и искал выход из этой нелепой ситуации, тем больше загонял себя в угол. Я понимал, что не имею права толкать ее на путь конфликта с родителями, который был неизбежен, пойди она против их воли. А так же боялся причинить ей боль и услышать некоторое время спустя, что из-за меня она разругалась с самыми близкими людьми. Я поклялся, что, если только она согласится быть со мной, то сделаю все возможное и невозможное для того, чтобы моя любимая никогда об этом не пожалела. А затем предложил своей избраннице самой выбирать, что для нее важнее. Разумеется, все это звучало несколько смешно и наивно. Что простой студент мог дать дочери человека, занимавшего высокий руководящий пост и соответствующее положение? Разумеется ничего, кроме своей любви. Скажу откровенно, что меня несколько сдерживало еще и то самое положение, поскольку совершенно не хотелось, чтобы окружающие видели во мне не того, кем я есть на самом деле, а родственника «того самого».

Вскоре любимая поведала мне о своем решении. Ее объ-

яснение, что она не может пойти против воли родителей, следовало понимать не иначе, как нежеланием отказаться от жизни в мире благополучия и достатка, в котором ей было уютно и комфортно. Зачем, спрашивается, нужно было бросаться в неизвестность – навстречу трудностям и проблемам, которые были неизбежны, и терять все то, что она имела. А самое главное – ради чего? Какого-то безумного порыва?

Нужно ли говорить, что несколько дней, после этого, я жил как в кошмарном сне. Не мог ни есть, ни спать, курил одну за другой сигареты и чувствовал себя преданным и обманутым. В голове обнаженным нервом бился один и тот же риторический вопрос: «Как такое вообще может быть?»

Странное дело, но я не испытывал к ней ненависти. Присутствовала только тоскливая ноющая боль где-то внутри и обида на лживый мир, с его двойной моралью и негласным делением людей на касты. Несмотря ни на что, я продолжал ее любить, при том так сильно, как не смог полюбить после этого уже никого и никогда.

Определенного рода надлом психики или пережитый стресс (уж не знаю как правильно это назвать, но полагаю, что именно он) активировал во мне какие-то не совсем обычные способности. И однажды, я вдруг понял, что способен ощущать ее присутствие, даже не видя предмета моего обожания.

Помню, как вечером мы с другом гуляли в центре города, и уже собирались ехать домой. Но вдруг какая-то неведомая

сила остановила меня, поскольку я был твердо уверен, что пройдет несколько минут, и я увижу свою любимую. И эта сила удерживала меня на месте до тех пор, пока вскоре она действительно не прошла мимо. Вот только она была, к сожалению, не одна. Я тенью преследовал их до подъезда. Потом целый час, сидя на лавочке, курил сигарету за сигаретой, поджидая его. Вероятно, мой удачливый соперник решил заглянуть к будущим родственникам на чай, благодаря чему у меня появилось достаточно времени, чтобы успокоиться, «перегореть» и уйти.

Такой вот выдался не самый удачный день жизни. Но, как говорится, нет худа без добра. Именно в тот день я получил от жизни поучительный урок.

Я искренне верил в то, что в мире существует что-то прекрасное, светлое и возвышенное: страстная, безумная, взаимная любовь, способная преодолевать любые преграды на своем пути и вдохновлять человека на смелые, отчаянные поступки. В тот день, я понял, что в реальной жизни, порой все обстоит иначе. Зачастую находится третья сторона медали, гораздо весомее всех наших идеалистических представлений об этой самой любви. Взвешенный и холодный расчет оказывается иногда более весомым аргументом, чем пылкие безрассудные чувства.

Какой-то несколько грустный получился у меня рассказ, ты уж прости, Лола. Не хотелось, чтобы у тебя сложилось превратное впечатление, будто я сетую на жизнь. На самом

деле, она была не так плоха. И на своем жизненном пути я повстречал много интересных людей, в том числе немало красивых и умных женщин. С некоторыми из них у меня сложились теплые отношения, которые я поддерживал на протяжении долгих лет. Просто почему-то сегодня вспомнилась именно эта история? Может потому, что не повезло встретить среди всех тех умниц и красавиц ту – единственную, чье присутствие чувствуешь даже на расстоянии?..

Хочется надеяться, что я не очень утомил тебя своими воспоминаниями.

До свидания, Алекс.

Здравствуй, Лола.

Не стану тебя обманывать и разочаровывать, ты права. История, которую я рассказал в предыдущем письме, действительно имела продолжение. Как я уже упоминал раньше, жизнь – штука непредсказуемая, и иногда она подкидывает нам совершенно неожиданные сюрпризы.

Каким оно получилось это продолжение, мне трудно судить потому, что воспоминания о нем и сейчас вызывают в душе самые противоречивые эмоции. Но оно действительно было…

Через несколько дней, после тех событий, о которых я рассказывал, мне пришлось уехать на два месяца на практику, где я старался забыть о случившемся. Скажу откровенно, что это не очень получалось, поскольку память коварная шту-

ка. Она имеет обыкновение стирать все плохое, но то хорошее, что происходило с нами когда-то, хранит в себе до мельчайших подробностей. Я помнил запах ее волос, ее бездонные, как два озера голубые глаза, в которых тонул и растворялся без остатка. Помнил ее улыбку, ямки на щеках, жесты и мимику, когда она сердилась или радовалась. Я помнил тембр ее голоса, разные мелочи и еле уловимые детали, и еще много-много всего, что цепко врезалось в память, и хранится там – на каких-то пыльных полках до сих пор. Постепенно душевные раны ныли меньше, боль утихала, и жизнь стала входить в привычное русло.

Через два месяца практика закончилась, и я вернулся в свой родной город. Начались каникулы. Месяц август, по обыкновению, выдался в тот год жарким. По улицам сновали бронзовые и шоколадные от загара люди, спеша по своим делам. Дома и деревья, как и раньше, привычно стояли на своих местах. Мир не перевернулся, и никому не было никакого дела до того, что творилось в те дни у меня в душе.

Помню, как я стоял на площади у фонтана, наслаждаясь его прохладой, и тут совершенно неожиданно увидел ее – загорелую, счастливую и такую желанную. Она шла мне навстречу, а на ее устах сияла радостная улыбка, словно мы расстались только вчера, и не было всех тех разговоров о предстоящем замужестве. Обручального кольца не ее руке, вопреки моим ожиданиям, не оказалось. Мы поздоровались. Я вел себя несколько хамовато, выказывая всем своим ви-

дом и словами какую-то надменность, стараясь как-то изящно ее уколоть. Она стерпела мою выходку, а потом рассказала о том, как пошла против воли своих родителей и отказалась от предстоящего брака, и как они за это чуть не отправили ее в психушку. Мы помирились, и все стало как раньше.

Прошло еще два удивительных беззаботных года, наполненных любовью, взаимопониманием и мечтами о будущем. О нашем с ней будущем, казавшимся нам тогда уже чем-то вполне закономерным и даже неизбежным. За это время ее родители постепенно привыкли ко мне и смирились с моим существованием.

После окончания института, я уехал работать в другой город по распределению, а ей оставалось учиться еще год.

Однажды она приехала ко мне в гости, и мы провели два незабываемых дня. Разделив с нами ужин, мой сосед по комнате в общежитии оставил нас на всю ночь наедине, приютившись у кого-то из друзей.

А днем мы гуляли с ней в парке, кормили белок с рук, пили горячий шоколад в кафешке и мечтали о том, как она закончит учебу и переедет жить ко мне. Как мы будем строить с ней нашу будущую жизнь – вдали от ее заботливых родителей, без их опеки, заботы и связей. Именно такую, какой представляли ее мы сами.

А потом я проводил ее на вокзал…

Я стоял на шумном и галдящем перроне, она махала мне рукой из окна поезда, и я вдруг почувствовал, что в этот раз

мы расстаемся с ней, теперь уже, навсегда. Внутри все неприятно сжалось, стало так тоскливо, что захотелось взвыть от горя, накатившегося беспросветной черной волной. В горле застрял давящий ком, я еле сдерживал слезы, понимая, что теряю ее, и ничего не могу сделать. Я не мог ни остановить, ни изменить закономерный ход наших жизней, которые на том вокзале разбегались в разные стороны.

Через месяц Родина выдала мне кирзовые сапоги и бесплатный билет до места службы, где я должен был исполнять свой священный долг в купе с почетной обязанностью, которых удостоился.

Для кого-то год пролетает как миг, а для кого-то день тянется словно вечность. Полтора года оказалось слишком долгим сроком и непреодолимым испытанием для нашей любви, поскольку уже через полгода она вышла замуж.

Иногда так бывает, Лола, что мы не властны над происходящим, хоть и предчувствуем то, что нас ожидает. Возможно потому, что каждому из нас заранее предначертан свой конкретный путь свыше. А все высказывания типа: «мы сами кузнецы своего счастья» – это всего лишь бравада, придуманная людьми для того, чтобы потешить собственное самолюбие. Почему-то мне кажется, что в жизни все обстоит именно так. Прости, что опять погрузил тебя в свои скучные воспоминания.

До свидания, Алекс.

Здравствуй, Лола.

Ты пишешь, что видимо, мы сами виноваты в том, что все так закончилось. Не стану с тобой спорить, поскольку единства во мнениях, кто является вершителем судеб: рок, фатум или мы сами, среди людей как не было, так и нет. Более того, сам частенько задумываюсь над этим вопросом, но однозначного ответа, увы, не нахожу. Иногда нам кажется, что мы сами приняли решение, без чьей либо подсказки, очертив, тем самым, дальнейшее течение жизненных событий. Но где гарантия, что принятие такого решения, не было пресловутым перстом судьбы?

Я вот думаю, дождись тогда вечером того парня, вполне вероятно, что мог бы и убить его. Злость во мне в тот вечер бурлила с неистовой силой, да и детство мое прошло, следует заметить, в неблагополучном районе. Это я к тому, что драться мне приходилось не раз, и определенный опыт и навык в этом деле имелся. И кто его знает, чем бы закончилась наша с ним встреча?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.